

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-24-37

УДК 81

**ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТЕ:
НЕРЕФЛЕКСИВНАЯ И РЕФЛЕКСИВНАЯ ИРОНИЧЕСКАЯ
ОЦЕНОЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Т. АВЕРЧЕНКО**

Кучерявых Ю.Н.

Цель: Статья посвящена исследованию особенностей формирования и функционирования иронии в узком смысле как приема, основанного на собственно языковых средствах. Важность значения данного явления определяется созданным ироническим смыслом, учитывающим экстралингвистические компоненты, особенности языковой личности, подтекст и т.д. Поскольку в основе иронии находится контекст, подтекст и двуплановость содержания, понимание которых возможно при учете собственно лингвистического и экстралингвистического компонентов, то уместно различать нерелексивную и релексивную ироническую оценочность. Разнообразие приемов создания иронической оценки в художественных текстах писателя позволяет утверждать, что ирония зависит от языковой личности писателя, его речевых склонностей к языковой игре, отражающихся, в том числе, в отношении собственно лингвистических и несобственно лингвистических средств репрезентации оценочности в художественном тексте.

Метод или методология проведения работы. Методологическими основаниями являются: постулат о деятельностном характере языка, постулат об антропоцентричности языка, а также системный подход, основанный на принципе рассмотрения текста как целостности в единстве всех его взаимосвязей. С целью комплексного исследования прозы Аркадия Аверченко применяются лингвокогнитивный, лингвокультурологический, лингвопрагма-

тический подходы; методы частотного и контекстуального анализа, интерпретативный метод и метод семантического анализа.

Результаты. *Представленные в художественной прозе А.Т. Аверченко приемы, способы и средства создания языковой игры, комического эффекта, иронической оценочности на различных уровнях языковой и внеязыковой систем, по мнению автора, являются элементами художественной действительности, создающими окказиональные связи, сочетание и взаимодействие которых в художественном контексте формирует новые необычные значения, толкования и оценки.*

Область применения результатов. *Материалы статьи могут быть использованы при чтении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам идиостиля писателя, анализу художественного текста, интерпретации скрытых смыслов. При подготовке лекционных и практических занятий по языкознанию, речевой коммуникации, стилистике, русской литературе, лингвокультурологии, а также при написании выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций.*

Ключевые слова: *ирония; языковая игра; рефлексивная и неререфлексивная оценочность; подтекст; комический эффект; семантика; речевая маска; диалог; экстралингвистические факторы; парадокс; абсурд; каламбур; языковая личность.*

IRONY AS A MEANS OF CREATING A COMICAL EFFECT IN THE TEXT: A NON-REFLEXIVE AND REFLEXIVE IRONIC EVALUATIVITY IN THE PROSE BY AVERCHENKO

Kucheryavykh Yu.N.

Purpose: *This article studies the formation and functioning of irony in the narrow sense as a method based on linguistic means. The significance of this phenomenon is determined by the created ironic meaning, taking into the extra-linguistic components, features of the linguistic per-*

sonality, subtext, etc. Since irony is based on such phenomena as context, subtext and content two-dimensional nature, which can be viewed by considering linguistic and extralinguistic components, it is appropriate to distinguish between non-reflective and reflexive ironic evaluation. The variety of methods for creating the ironical assessment in the writer's literary texts allows us to assert that irony depends on the linguistic personality of the writer, his verbal inclinations to the language game, reflected in the linguistic and extra linguistic means of representing evaluation in the author's prose.

Method or methodology of the work. *Methodological framework of this research paper, inter alia, includes the postulate of the acting character of the language, the postulate of the anthropocentricity of the language, as well as the systematic approach based on the principle of treating the text as an integrity of all its interrelations. For a comprehensive study of the prose by Arkady Averchenko, linguo-cognitive, linguo-cultural and linguo-pragmatic approaches are used, as well as methods of frequency and contextual analysis, the interpretative method and the method of semantic analysis.*

Results. *Methods and means presented in the fictional prose by Arkady Averchenko for creating a language game, comic effects, ironical evaluativity at various levels of the linguistic and extra linguistic systems are elements of literary reality creating occasional links, which form new unusual meanings, interpretations and estimates. by combination and interaction.*

Scope of application of the results. *The materials of this article can be used at giving special courses and special seminars on the writers' idiosyncrasy, the analysis of the literary texts, the interpretation of hidden meanings; in preparing lecture and practical classes on linguistics, speech communication, stylistics, Russian literature, linguoculturology, as well as writing graduate qualification papers, master's theses.*

Keywords: *irony; language game; reflexive and non-reflexive evaluativity; subtext; antithesis; comical effect; syntax; semantics; speech mask; dialogue; extralinguistic factors; paradox; absurdity; language personality.*

Причинность возникновения комического и смехового осмысливалась еще в античной культуре, литературе, средневековой философии и эстетике.

Аристотель и Цицерон утверждали, что допущенная ошибка, безобразие и балагурство – причина возникновения смеха [4, с. 146]. Рассматривая комедию как жанр, Аристотель писал: «Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [5, с. 32]. Поэтому антитеза между «ошибочным» первым впечатлением и «уродством», оказываемым «безвредным» при «втором» рассмотрении, порождает произвольную смеховую реакцию.

Проявление и описание эмоций человека обусловлено особенностями восприятия им действительности, воплощенного в художественном тексте, феномен которого, по мнению Л.А. Исаевой, – «это скрытая, подтекстная информация, не выраженная в регулярных значениях языковых составляющих, приводящая к многозначности художественного текста. Эстетический текст отличается от текстов другого типа своей полисемантичностью, являющейся результатом взаимодействия многих кодов (языков)» [10, с. 155]. Поэтому художественное произведение позволяет автору наиболее ярко выразить свое отношение к действительности и организовать высказывание с ориентацией на адресата, что обуславливается содержанием произведения.

Как известно, многозначность пронизывает все уровни языка художественной литературы, что, по утверждению Л.А. Исаевой, является «принципиально важным для характера выражаемых скрытых смыслов оказывается не структурная сложность-простота единицы, но характер совмещаемых в ней отношений» [там же, с. 155]. Следовательно, комическое и языковые средства его выражения заслуживают особого исследовательского внимания особенно в юмористических произведениях, где всегда присутствует двуплановость и подтекст содержания.

Ирония как способ авторского мировоззрения предполагает «выход на более высокий уровень анализа текста, позволяющий рас-

смагивать ее как текстовую категорию, индуцирующую в тексте имплицитные смыслы, которые связаны со способностью личности оценивать явления действительности» [14, с. 27]. Поэтому явление иронии в языкознании традиционно базируется на исследовании ее как тропа или стилистической фигуры.

Ю.М. Скребнев рассматривает иронию как перенос смыслов языковых единиц, «закрывающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики» [18, с. 159]. Поэтому в лингвистике ирония понимается как антифразис, полученный из-за нарушения формально-логического постулата истинности – ложности: «истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония» [12, с. 316]. Собственно антифразис, по мнению исследователей (Вишневская [6]; Дементьев [8]; Каменская [11] и др.), не ограничивается только противопоставлением элементов друг другу.

Следовательно, ирония «всегда является средством реализации субъективно-оценочной модальности, представляет собой художественную форму авторской оценочной позиции» [14, с. 25], из которой возможна «экспликация имплицитными средствами особого мировоззрения и выражение критического отношения автора к тому или иному предмету или явлению» [17, с. 7]. Также, по мнению исследователя, в художественном тексте «специфика иронии довольно редко является предметом научного интереса, хотя актуальность такого направления исследовательских усилий, особенно анализ когнитивной природы иронии и её языковых аспектов, не вызывает сомнения» [там же, с. 4]. Поэтому эстетические установки, речевые склонности и намерения автора или персонажа произведения становятся компонентами идиостиля, проявляющимися в выборе субъекта и объекта оценки, высмеивания и т.д.

Современное изучение иронии как явления языковой и внеязыковой действительности имеет несколько направлений. От анализа элементарной, «бытовой», иронии до собственно лингвистического

ее исследования, в частности, как элемента языковой игры, особенностью которого является то, что «лишь один из участников этой «игры» играет по собственному желанию, а другой (или другие) являются лишь его объектом. О том, что с ними «играют», они узнают *post factum*. А могут и не узнать, если ирония остается у субъекта во внутренней речи» [9, с. 30].

Оценочность, как нам представляется, – основная цель использования иронических средств и способов, среди которых исследователями (Т.А. Гридиной [7], М.А. Пчелинцевой [15], Ю.М. Скребневым [18], О.П. Ермаковой [9] и др.) различаются рефлексивные и нерефлексивные (функционирующие на семантическом уровне языка [16]) способы создания оценки.

Учитывая названную классификацию, полагаем, что одним из видов иронической оценки в произведениях А.Т. Аверченко может быть «нерефлексивная ироническая оценочность». Ее особенностью, по нашему мнению, является функционирование на синтаксическом и семантическом уровнях языка без включения энциклопедизма коммуникантов.

Противоположной представленному выше типу, следовательно, можем считать «рефлексивную ироническую оценочность», невозможную без учета фонда фоновых знаний адресанта и адресата сообщения. А алогичность и абсурдность при столкновении высмеиваемых явлений обеспечивает разнообразие форм, средств и приемов иронии, намерений, дополнительных скрытых смыслов, эксплицируемых получателем сообщения.

Реализацию представленных теоретических установок и положений рассмотрим на примерах из произведений А.Т. Аверченко.

Нерефлексивная ироническая оценочность и приемы ее создания представлены в следующих фрагментах из текстов Аркадия Аверченко:

«– Да, – хвастливо подмигнул распутный Клинков. – Мои поцелуи не для этого случая. Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желание его было исполнено не только Марусей, но и двумя бездельниками, сунувшими ему под нос свои руки» [2, с. 192].

По нашему мнению, в анализируемом фрагменте ирония контекстуально обусловлена и является средством последовательного раскрытия взаимоотношений персонажей: от этикетно-вежливых при обращении к даме, до сниженно-ироничных, адресованных друг другу. Поэтому для понимания оценочного противопоставления анализируемых лексических единиц важным становится речевое и контекстное окружение: лексема «ручка» имеет положительную коннотацию («*позвольте хоть ручку*», обращаясь к даме). Существительное «рука», наоборот, приобретает сниженный оттенок значения, что подчеркивается окружением слова, а именно: «... *желание было исполнено (...) двумя бездельниками, сунувшими ему под нос свои руки...*» [там же].

Данный фрагмент, полагаем, построен на противопоставлении лексических единиц и смене иронических масок (здесь и далее по классификации иронических масок, представленной в работах М.А. Пчелинцевой [16]): от восторженного человека, воплощенного в речи говорящего, до самоуверенного персонажа, представленного в авторской ремарке, описывающей дальнейшее поведение героев.

Ироническая (нерефлексивная) оценочность может формироваться и существовать внутри диалога как прием языковой игры: «подхват» остроумно-шутливой реплики-посылки не менее комичной репликой-ответом. А также реализоваться с помощью приема иронической маски наивного и доверчивого человека. В таком случае адресатом иронии выступает как играющий персонаж, так и тот, с кем играют, вне зависимости от воли и желания последнего:

«– *Хочешь, я тебя сейчас водой оболью?*

– *Если ты этим докажешь высокое состояние твоих умственных способностей – обливай.*

– *Просто оболью. Чтоб ты не приставал.*

– *Не надо. Я предпочитаю сухое обращение.*

– *Недурно сказано. Запишу. Может быть, в редакции «Скворца» за это нам заплатят рублишку» [2, с. 294].*

Реплика-посылка «*Хочешь, я тебя сейчас водой оболью?*» становится риторическим вопросом-стимулом для дальнейшего раз-

вертывания игрового плана содержания реплик-ответов: «*если ты этим докажешь высокое состояние твоих умственных способностей – обливай*» и «*я предпочитаю сухое обращение*», основывающихся на ассоциативном влиянии компонентов общеупотребительных фраз: «вежливое обращение с кем-либо» и «интеллектуальное развитие личности». В анализируемом фрагменте обнаруживаем причинно-следственные связи между желанием коммуниканта «сухого обращения» (= вежливого), а также буквально «не мокрого, не замоченного, лишённого влажности» [19, с. 1024] и предложением собеседника все же «облить водой» друга. В результате углубляется речевая характеристика персонажей и создается языковая игра в диалоге, а для реализации иронического эффекта используются семантико-синтаксические особенности его построения.

Следовательно, языковая игра, основанная на приемах создания нерелексивной иронической оценочности и, прежде всего, смешного в тексте строится на противоречии между означаемым или означающим. Это проявляется в употреблении лексем не в прямом, а переносном значении, речевых масках и приемах их создания, коннотациях значений.

Речевое поведение персонажа может быть охарактеризовано как языковой знак, который, сохраняя свою фактическую смысловую нагрузку, может стать носителем скрытой дополнительной (основанной на взаимодействии текстовых и внетекстовых структур) информации. Поэтому релексивная ироническая оценочность, учитывающая экстралингвистические факторы, и приемы ее создания представлены следующими фрагментами из произведений А.Т. Аверченко.

Рассмотрим отрывок из романа «Шутка Мецената»:

«Вошла Анна Матвеевна, расцеловалась с Принцессой и вступила в обычную для них обеих беседу:

– Где дети?

– Не знаю, нянечка. Бог не посылает.

– «Бог не посылает».

– Лень все твою проклятая. И в кого ты такая уродилась?!

– В кого? В Венеру Милосскую, – подсказал Мотылек.

– В Кузю, – поправил Новакович. – Впрочем, это одно и то же: если Кузе оборвать руки – получится форменная Венера Милосская для бедных» [3, с. 67].

Полагаем, что в исследуемом примере Принцессой применяется ироническая маска наивного и доверчивого человека, а функцию культурно-обусловленной детали, создающей парадокс в диалоге, выполняет сравнение с Венерой Милосской.

Ассоциации с красотой, идеальностью, отчасти величием и ленью Принцессы иронично оцениваются и персонажами, и автором, а также сопоставляются с Венерой Милосской. Парадокс, а также эффект абсурдности, по нашему мнению, наблюдается в ответе персонажа Новаковича о том, что «если Кузе оборвать руки – получится форменная Венера Милосская для бедных». Устойчивое выражение «оборвать уши», означающее «наказать кого-либо» [13, с. 114], заменяется собственно авторским аппликативным компонентом – «руки», дополняющим издевку в реплике. При этом образ Венеры как воплощения красоты, одухотворенности и великой силы искусства приобретает противоположное, сниженное оценочное значение.

Рассмотрим следующий фрагмент рассказа Яблоньки, героини романа «Шутка Мецената», о том, что в ее дом однажды незнакомец подбросил икону с образом Николая Чудотворца:

«...Конечно, это мне ничего не объяснило, так, как и сама могла занести на подошвах эти песчинки – пришлось предать чудотворный случай с Николаем Чудотворцем забвению» [1, с. 247].

Как известно, Николай Чудотворец, святой архиепископ Мир Ликийских (Византия), в христианстве почитается как чудотворец, считается покровителем моряков, купцов и детей.

В данном контексте каламбурно обыгрывается появление украденной иконы с ликом Николая Чудотворца в доме: «чудотворный случай», то есть «творящий удивительные вещи» [19, с. 1192], произошедший с иконой Николая Чудотворца. Полагаем, что традиционная религиозная символика, ассоциирующаяся у верующих с чудом, имеющая значение помощи, чистоты у писателя распадается, а само событие приобретает ироническую коннотацию. Символические

образы наполняются противоположным индивидуально-авторским значением, в том числе раскрывая внутреннее духовное несовершенство героя, подарившего икону Яблоньке.

Таким образом, аллюзии к культуре, вступая в различные отношения с элементами действительности, создают окказиональные связи, сочетание которых в художественном контексте формирует новые необычные значения, толкования и оценки.

Итак, ирония в широком смысле является приемом, основанным на собственно языковых средствах. Узкое значение, в свою очередь, определяется результатом, то есть созданным ироническим смыслом, с учетом экстралингвистических факторов, речевых особенностей языковой личности, взаимосвязь которых формирует подтекст и содержательное единство текста.

Функционируя на различных уровнях языковой и внеязыковой системы, ирония, на наш взгляд, формирует двуплановость оценочности содержания, понимание которой возможно при учете собственно лингвистического и экстралингвистического компонентов интерпретации подтекста высказывания. Следовательно, уместно различение нерелексивной и релексивной иронической оценочности в текстах Аркадия Аверченко.

Языковая игра в творчестве А.Т. Аверченко представлена разнообразием иронических способов оценивания ситуации и поведения персонажа: а) противопоставление лексических единиц; б) смена иронических масок; в) ироническое употребление оценочных слов; г) речевой «подхват»; д) каламбурное переосмысление устойчивого сочетания и др.

Таким образом, в художественном тексте ирония зависит от воли автора, его речевых склонностей к иронизированию и языковой игре, что отражается в соотношении лингвистических и экстралингвистических средств создания и репрезентации оценочности.

Список литературы

1. Аверченко А.Т. Нянька. М.: Вече, 2013. 320 с.
2. Аверченко А.Т. Чудеса в решете. М.: Эксмо, 1999. 400 с.

3. Аверченко А.Т. Юмористические рассказы. М.: ОЛМА-Групп, 2012. 304 с.
4. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 184 с.
5. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
6. Вишневская В.Д. К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения // Мир культуры: теория и феномены. Пенза, 2002. Вып.2. С. 21–24.
7. Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: Дис. ...д-ра филол. наук. М., 1996. 566 с.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры // Под ред. Гольдина В.Е./ Ин-т русского языка, литературы и журналистики при филол. фак-те Саратовского Гос. Ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2000. 560 с.
9. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 107 с.
10. Исаева Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. 251 с.
11. Каменская Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова. Дис.... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 173 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
14. Петрова О.Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета: Серия: Филология. Журналистика. Саратов, 2011. №. 3. Т. 11. С. 25–30.
15. Пчелинцева М.А. Ирония как форма языковой оценки в творчестве русских писателей-эмигрантов // Современные проблемы науки и образования. М., 2010. № 6. С. 106–110. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=4564> (дата обращения: 20.01.2018).
16. Пчелинцева М.А. Метаязыковая рефлексия над языком революции в творчестве русских писателей-эмигрантов 1-й волны // Прогрес-

сивные технологии в обучении и производстве: материалы IV Всероссийской конференции, г. Камышин, 18–20 октября 2006 г. Волгоград, 2006. Т. 4. С. 67–72.

17. Самыгина Л.В. Ирония: метатекстовый потенциал в рассказах С.Д. Довлатова. М.: Русайнс, 2017. 168 с.
18. Скребнев Ю.М. Ирония // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 2003. 703 с.
19. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

References

1. Averchenko A.T. *Nyan'ka* [Nurse]. М.: Veche, 2013. 320 p.
2. Averchenko A.T. *Chudesa v reshete* [Miracles in the sieve]. М.: Eksmo, 1999. 400 p.
3. Averchenko A.T. *Yumoristicheskie rasskazy* [Humorous stories]. М.: OLMA-Grupp, 2012. 304 p.
4. Aristotel'. *Ob iskusstve poezii* [On the art of poetry]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. 184 p.
5. Aristotel'. *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. М.: Labirint, 2000. 224 p.
6. Vishnevskaya V.D. K voprosu o statuse ironii. Yazykovye sredstva vyrazheniya [To the question of the status of irony. Language means of expression]. *Mir kul'tury: teoriya i fenomeny* [The world of culture: theory and phenomena]. Penza, 2002. Issue 2, pp. 21–24.
7. Gridina T.A. *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi. Yavlenie yazykovoy igry* [Associative potential of the word and its realization in speech. The phenomenon of the language game]: Dis. ... Dr. Philol. sciences. М., 1996. 566 p.
8. Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres] / ed. Ed. Goldina V.E.; In-t russkogo yazyka, literatury i zhurnalistiki pri filol. fak-te Saratovskogo Gos. Un-ta im. N.G. Chernyshevskogo. Saratov, 2000. 560 p.
9. Ermakova O.P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the language]. М.: Flinta, 2011. 107 p.

10. Isaeva L.A. *Khudozhestvennyy tekst: skrytye smysly i sposoby ikh predstavleniya* [Literary text: hidden meanings and ways of representing them]. Krasnodar: Krasnodar knижnoe izdatel'stvo, 1996. 251 p.
11. Kamenskaya Yu.V. *Ironiya kak komponent idiosilya A.P. Chekhova* [Irony as a component of idiosyle Chekhov]: Dis ... cand. philol. sciences. Saratov, 2001. 173 p.
12. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts] / Ed. A.N. Nikolyukin. M.: Intelvak, 2001. 1600 p.
13. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. M.: OLMA-Grupp, 2007. 785 p.
14. Petrova O.G. *Tipy ironii v khudozhestvennom tekste: kontseptual'naya i kontekstual'naya ironiya* [Types of irony in the artistic text: conceptual and contextual irony]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta: Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. Saratov, 2011. № 3. V. 11, pp. 25–30.
15. Pchelintseva M.A. *Ironiya kak forma yazykovoy otsenki v tvorchestve russkikh pisateley-emigrantov* [Irony as a form of linguistic evaluation in the work of Russian emigre writers]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. M., 2010. № 6, pp. 106–110. <https://science-education.ru/en/article/view?Id=4564> (accessed January 20, 2018).
16. Pchelintseva M.A. *Metazykovaya refleksiya nad yazykom revolyutsii v tvorchestve russkikh pisateley-emigrantov 1-y volny* [Metalanguage reflexion over the language of revolution in the work of Russian emigre writers of the 1st wave]. *Progressivnye tekhnologii v obuchenii i proizvodstve: materialy IV Vserossiyskoy konferentsii, g. Kamyshin, 18–20 oktyabrya 2006 g.: V 4 t.* [Progressive technologies in teaching and production: materials of the IV All-Russian Conference, Kamyshin, October 18–20, 2006], 2006. V. 4, pp. 67–72.
17. Samygina L.V. *Ironiya: metatekstovyy potentsial v rasskazakh S.D. Dovlatova* [Irony: the metatext potential in the stories of S.D. Dovlatov]. M.: Rusajns, 2017.
18. Skrebnev Yu.M. *Ironiya* [Irony]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian: Encyclopedia] / Ed. Yu.N. Karaulov. M.: Drofa, 2003. 703 p.
19. Ushakov D.N. *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian language]. M.: Al'ta-Print, 2008. 1239 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кучерявых Юлия Николаевна, аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания, филологический факультет
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149 г. Краснодар, Краснодарский край,
350040, Российская Федерация
atagikana90@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kucheryavykh Yulia Nikolaevna, post-graduate student of the Department of General and Slavonic-Russian Linguistics, Faculty of Russian Philology
Kuban State University
149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, Krasnodarskiy krai, 350040,
Russian Federation
atagikana90@mail.ru
SPIN-code: 8107-9430